

Хренов Н.А.

Между линейным и циклическим принципом: история искусства в ракурсе социодинамики П. Сорокина

Аннотация: Статья касается одного из актуальнейших вопросов методологии изучения истории искусства. Абсолютизация линейного принципа в исторических исследованиях, генезис которого уходит в эпоху Просвещения, привел к тому, что историки искусства внимание стали уделять одним периодам, а другие периоды адекватного осмысления не получали. Это в первую очередь относится к искусству архаического периода античности, к средневековому искусству и к искусству Византии. В этом последнем случае искусство воспринималось пребывающим в упадке и, как казалось, не демонстрировало законченных, определившихся форм. Поэтому длительное время оно и не было предметом исследования. Сформировавшаяся в эпоху Просвещения эстетика точкой отсчета делала исключительно искусство Ренессанса. Подобная ситуация продолжала оставаться дол тех пор, пока историк не открыл существование альтернативного принципа в историческом процессе, а именно циклического принципа, обоснованию которого и посвящена данная статья. Хотя интерес к этому принципу возникает уже в XIX веке, все же его наиболее удачное использование в XX веке продемонстрировал русский ученый П. Сорокин, начинавший как социолог. В статье говорится о значении фундаментального труда П. Сорокина, посвященного социальной и культурной динамике, для становления науки о культуре. В статье показано, как русский ученый постепенно двигался к новому открытию и обоснованию циклического принципа, как он его применил в историческом исследовании искусства в ставшей сегодня известной работе, посвященной социальной и культурной динамике, а главное, как с помощью этого принципа можно избавиться от белых пятен в исследовании искусства, которых накопилось очень много. Кроме того, этот труд П. Сорокина, не имеющий аналогов в мировой науке, помогает разрешить и некоторые трудности при изучении современного искусства. Между тем, в момент появления этого фундаментального исследования он не был понят и оценен, как того заслуживает. Современная ситуация в становлении науки о культуре делает этот труд П. Сорокина чрезвычайно востребованным.

Review: The article touches upon one of the most topical issues in the methodology of art history. The absolute priority given in the history research to the linear principle which genesis goes back to the age of Enlightenment has made art historians to pay more attention to certain periods while leaving other periods without adequate interpretations. This, above all, refers to the period of the archaic ancient art, medieval art and Byzantine art. In the latter case art is perceived as declining and not demonstrating complete or definite artwork as it seemed. This is the reason why those periods in art history were rarely studied. As the science that was formed in the age of Enlightenment, esthetics took the exclusive Renaissance art as the starting point in the art development. The same situation had continued until historians discovered the alternative principle in the historical process, in particular, the cyclic principle the present article is devoted to. Even though the interest towards that principle already developed in the 19th century, most efficiently the principle was used in works by the Russian scientist Pitirim Sorokin who started his academic career as a social scientist. The author of the article emphasizes the important role of Pitirim Sorokin's major work on social and cultural dynamics in the development of the cultural science. The article shows how the Russian scientist gradually proceeded to the discovery and substantiation of the cyclic principle, how Sorokin applied the aforesaid principle to his historical research of art in his work on social and cultural dynamics has become so famous today and, most importantly, how the principle can be used to eliminate the unexplored facts (so called 'white spots') in art studies. In addition, Pitirim Sorokin's work that is unparalleled anywhere in the world science allows to solve some difficulties that may arise in modern art studies. Meanwhile, when the work was first published, it was not understood or appraised as it deserved. However, the modern situation in the development of the cultural science makes Pitirim Sorokin's work highly important.

Ключевые слова: Культурная динамика, история культуры, история искусства, кризис культуры, линейный принцип, циклический принцип, краткие длительности времени, Большие длительности времени, культура чувственного типа, культура идеационального типа.

Keywords: Cultural dynamics, cultural history, art history, crisis of culture, linear principle, cyclic principle, short periods of time, long periods of time, sensual culture, rational culture.

На протяжении длительного времени автор этой статьи в своих научных исследованиях, касающихся искусства, следовал той концепции социодинамики культуры, которая разработана П. Сорокиным. Идеи П. Сорокина, касающиеся социальной и культурной динамики, могут способствовать совершенствованию методологии и наук об обществе, и наук о культуре, и наук об искусстве, как и вообще всех гуманитарных наук. Может быть, его идеи еще не стали достаточно распространенными. Однако интенсивное развитие в последние десятилетия в России науки о культуре делают его работы более востребованными. В Государственном институте искусствознания мною было организовано несколько международных конференций и опубликовано несколько изданий, которые помогли пропагандировать наследие П. Сорокина и использовать его идеи для понимания логики развития и функционирования искусства, особенности в ситуации переходности¹.

Научное наследие П. Сорокина требует обстоятельного анализа, причем, с разных точек зрения. Например, с точки зрения эволюции социологических идей. Известно, что свою научную карьеру П. Сорокин начинал как социолог и еще до эмиграции успел заявить о себе и тем, что организовал первую в России кафедру социологии в Петроградском университете и тем, что предпринял непревзойденное для начала XX века изложение системы социологии в вышедшем в 1920 году двухтомном издании².

Его научное наследие в еще большей степени заслуживает анализа с точки зрения возникновения и становления науки о культуре. Известно, что когда в России началось становление науки о культуре, то часть проблематики, считавшейся до этого проблема-

тикой уже существующих дисциплин, переходит в ведение новой науки. То же в свое время произошло и с социологией. Не переставая быть социологом, П. Сорокин, несомненно, внес в становление науки о культуре существенный вклад.

Однако П. Сорокин известен также и как активный политический деятель. Об этом свидетельствует его непростая биография, в частности, причастность к деятельности партии эсеров, членом которой он состоял, или к деятельности Временного правительства в 1917 году (он был секретарем А. Керенского), за что после прихода к власти большевиков ему приходилось отбывать срок в Петропавловской крепости. Конечно, когда он оказался в эмиграции, то его деятельность сосредотачивается исключительно на научной и преподавательской деятельности, о чем свидетельствует появление его многочисленных трудов по самым разным проблемам и имена его учеников и последователей, в том числе, и самых известных американских социологов, например, Р. Мертона, работы которого в России издаются.

Однако нельзя утверждать, что его активная политическая деятельность была нейтральной по отношению к его научным интересам. Это, в частности, проявилось и в выборе тем для научного исследования. Совсем недавно, например, в России вышла его книга «Социология революции», написанная еще в 1923 году. Конечно, сегодня имя П. Сорокина ассоциируется, прежде всего, с созданной им и появившейся незадолго до второй мировой войны фундаментальной концепцией социальной и культурной динамики. Но ведь и сама эта концепция как замечательное достижение науки XX века появилась как следствие размышлений П. Сорокина как ученого и в еще большей степени как политического мыслителя над теми процессами, очевидцем которых он был. Но не только очевидцем, но и активным действующим лицом. Эти процессы часто обозначаются как кризис общества, кризис человека, кризис государства. Ощущение распадающегося мира в начале XX века, что получило выражение, прежде всего, в первой мировой войне, а затем и в русской революции, способствовало появле-

¹ Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М., 2002 (Отв. редактор Н. Хренов); Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время. М., 2003 (Отв. редактор Н. Хренов); Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. М., 2004 (Отв. редактор Н. Хренов);

² Сорокин П. Система социологии. т. 1-2., М., 1993;

Теоретическая культурология и теория культуры

нию таких сочинений, как «Закат Европы» Шпенглера и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина. Эти сочинения и в самом деле следует поставить рядом. Между ними, несомненно, существует связь, и об этом еще будет сказано.

Знакомый по западной философской и общественной мысли XX века мотив кризиса культуры у П. Сорокина имеет особый смысл. П. Сорокин, которого обвиняли в попытке покушения на Ленина, в революционной ситуации мог быть расстрелянным. Опасность расстрела оставалась реальной на протяжении всей его жизни. Так, в 60-е годы, когда в СССР к социологии вновь начали проявлять интерес, отечественные коллеги-социологи хотели пригласить П. Сорокина посетить Советский Союз. Это решение должен был принять сам Л. И. Брежнев. Изучая дело П. Сорокина, Л. И. Брежнев на одном из документов, касающихся П. Сорокина, обнаружил резолюцию В. Ленина. Там было сказано, что в случае возвращения П. Сорокина в СССР он должен быть расстрелян. Отменить решение вождя генсек не решился. П. Сорокин, умерший в штате Винчестер в США в 1968 году так и не смог побывать на родине, хотя очень к этому стремился. Зато с некоторого времени издания его сочинений в нашей стране выходят систематически³.

Собственно, фундаментальная научная концепция П. Сорокина явилась реакцией мыслителя на кризис, который ученый поставил в контекст когда-либо имевших место в истории кризисов. В соответствии с основополагающей идеей, изложенной в его книге о социальной и культурной динамике, современную культуру Запада он воспринимал как разлагающуюся культуру. Это разложение, как он утверждал, поразило, в том числе, и американскую культуру, которая обычно воспринимается молодой и устремленной в будущее. Некоторые его американские коллеги – социологи такой взгляд не разделяли, полагая, что в данном случае выдающийся ученый покидает сферу науки, становясь проповедником и пророком⁴. За такие пророчества некоторые называли его Кассандрой. Тем не менее, на протяжении всей последующей жизни он продолжал придерживаться этой точки зрения. Не соглашаясь со своими оппонентами, он

доказывал, что речь идет о неосознаваемых и объективно развертывающихся процессах. Во всяком случае, в ситуации «цветущей сложности» американской культуры он писал о ее закате. И сегодня невозможно утверждать, что он был в этом смысле фантазером.

Сопоставление кризиса, охватившего в XX веке весь западный мир, с имеющими место в истории кризисами, что сближает его со Шпенглером, как раз и привело ученого к новому открытию специфического видения истории. Но это углубление ученого в историю не было самоцелью. Он, прежде всего, пытался, как в свое время и Шпенглер, уловить смысл той ситуации, в которой в первой половине XX века оказалось все человечество. Это уже некогда в общественной мысли существовавшее, но вновь воскрешаемое ученым такое видение позволяет утверждать, что концепция социальной и культурной динамики П. Сорокина оказывается в основе новой научной парадигмы, требующей сегодня и продолжения и развития. Сам же П. Сорокин продолжил возникшую еще до Шпенглера в России научную парадигму, связанную с именем Н. Данилевского и придал ранее высказанным некоторым идеям системность.

Конечно, о кризисе, ставшем для мысли П. Сорокина исходной точкой, с рубежа XIX–XX веков размышляли многие и не только представители отечественной гуманитарной мысли. Аналогичной точки зрения по поводу кризиса придерживался, например, нидерландский историк И. Хейзинга. В одно и то же время, независимо друг от друга и, возможно, даже не зная друг друга, П. Сорокин и И. Хейзинга зафиксировали один и тот же универсальный процесс, пытались его осмыслить. Под кризисом они понимали кризис социума, политики, философии, демократии, либеральных ценностей, науки, нравственности, права, государства, искусства. Поскольку такой процесс распространился на все сферы, причем, во всех странах, то можно утверждать, что предметом своего внимания они сделали кризис в его универсальной или тотальной форме. Каким же из концептов П. Сорокин и И. Хейзинга воспользовались для выражения этого тотального кризиса? Этим концептом явился концепт культуры. Несомненно, того и другого мыслителя можно назвать культурологом. Как И. Хейзинга, так и П. Сорокин в культуре усматривали то, что объединяет самые

³ *Осинов Г.* Три встречи с Питиримом Сорокиным // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009., с. 18;

⁴ *Козер Л.* О Питириме Сорокине // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009., с. 66;

разнородные явления, кажущиеся по сравнению с культурой лишь частными ее проявлениями. Обратим внимание сразу же на то, что это новый, специфический взгляд на мир, который позднее, уже в наше время утверждает себя как взгляд культуролога. Так, сам П. Сорокин констатировал появление культурологии как науки с момента появления в 1918 году известного философского бестселлера Шпенглера, правда, не связывая эту науку исключительно с его именем. Он писал: «Отчасти независимо от Шпенглера, отчасти под влиянием его теории великих культур, ряд исследований особенно в Австрии и Германии, привел к возникновению культурной морфологии или культурологии как науки, занимающейся изучением обширных социокультурных систем»⁵.

О чем бы И. Хейзинга и П. Сорокин не писали, каких бы явлений не касались, они все рассматривают под углом зрения культуры. Для познания мира, для истории науки это новое, характерное для XX века явление. Да, у них были предшественники, например, философы или художники, такие, например, как Гердер. Но предшественники, двигаясь в этом направлении, еще в эпоху раннего модерна были одинокими мыслителями, они были лишены контекста, а именно, становления особой научной парадигмы, которую вызвать к жизни должны были именно они. Й. Хейзинга и П. Сорокин размышляли уже в некоторой складывающейся матрице, системе представлений, призванной осмыслить переходные процессы, развертывающиеся в XIX и XX веках. Беспрецедентная ситуация XX века должна была быть осмыслена, в том числе, и на уровне культуры. Но такая необходимость потребовала и углубленного уточнения сущности самой культуры. Предшествующая наука этого не успела сделать. Они учитывали это обстоятельство и делали эту матрицу более определенной. Эти мыслители пришли из разных научных сфер: Й. Хейзинга – из исторической науки, П. Сорокин – из социологии.

Конечно, П. Сорокина можно сближать не только с Й. Хейзингой, но и с другими мыслителями, а парадигму, в соответствии с которой он мыслил и делал открытия, с другими парадигмами. Но этих двух мыслителей мы сблизили потому, что при анализе всего в истории происходящего они исходили не просто из культуры. В динамично обновляю-

щемся мире они разглядели опасность. Внимание они сосредоточили на кризисе культуры, прибегнув к одной и той же метафоре ночи и тьмы. Так, в предисловии к своей «Социальной и культурной динамике» П. Сорокин писал: «Мы живем, думаем и действуем в сгущающихся сумерках ночи переходного периода с ее кошмарами, гигантскими разрушениями и душераздирающими ужасами»⁶. В этом высказывании ощущаются размышления ученого о том, что произошло во время революций и двух мировых войн. Что же касается Й. Хейзинги, то в своем опубликованном с 1935 году эссе «Тени завтрашнего дня», имевшем подзаголовок «Диагноз духовного недуга нашего времени», смысл этого недуга он расшифровывал так: «Повсюду – сомнение в прочности общественного устройства, в котором мы существуем, смутный страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката нашей цивилизации. Это не просто кошмары, мучающие нас в праздные ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах, завалены фактами. Мы видим, как на наших глазах расшатывается почти все то, что некогда казалось прочным, священным: истина и человечность, разум и право»⁷.

Невзирая на критику и неприятие идей П. Сорокина, касающихся кризиса, коллегами-социологами, отождествляющих их с пророчествами, П. Сорокин продолжал настаивать на своем. Хотя свой прогноз П. Сорокин огласил, основываясь на опыте первой мировой войны, тем не менее, до начала второй мировой войны его прогноз, кажется, всерьез и в самом деле не воспринимали. Сам П. Сорокин признавал, что его предупреждение было гласом вопиющего в пустыне. Тем не менее, вторая мировая война уже давала больше оснований утверждать, что его идеи – не пророчество, а реальность. Когда разразилась вторая мировая война, П. Сорокин констатировал, что его прогноз подтверждается. Вторая мировая война оказалась следующим прыжком в варварство. «Прошло около десяти лет, – пишет он – и то, что казалось невозможным, теперь стало фактом. А факты, как

⁵ Сорокин П. Социологические теории современности. М., 1992., с. 84;

⁶ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000;

⁷ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010., с. 19;

Теоретическая культурология и теория культуры

известно, – вещь упрямая. «Слащавые» теории моих якобы компетентных критиков безжалостно отторгнуты историей»⁸.

В том, что эти две темы – культура и кризис общества совпали, имеется глубокая связь. Именно кризис культуры, осмысляемый разными исследователями по – разному и чаще всего весьма приблизительно, как раз и приближал к пониманию того, что такое культура или, иначе говоря, к открытию культуры и ее значимости. Именно уровень культуры оказывается способен приблизить к пониманию кризиса не только частных сфер, но кризиса универсального. Определенность в понимании предмета научного изучения возникает, когда этот предмет рискует исчезнуть. Дело здесь, конечно, не сводится лишь к разрушению памятников культуры. Так, например, разрушение Реймского готического собора в годы первой мировой войны воспринималось началом нового варварства. Речь должна идти уже о многих негативных последствиях становления того, что Э. Тоффлер назовет индустриальной цивилизацией с ее беспрецедентным экономическим и политическим фактором и с ее технологиями. А эту тему в истории гуманитарных наук начал еще Ж. – Ж. Руссо.

Именно мысли об опасности исчезновения культуры посвятил свой труд «Затемненный мир» Й. Хейзинга. Констатируя неудовлетворительное состояние культуры, он пишет: «Мы все так хотели бы видеть ее (культуру – Н. Х.) излечившейся – от ущерба, нанесенного механизацией и технизацией жизни, от охватывающего ее со всех сторон страшного одичания. И мы знаем: если культуре суждено выздороветь, то принести ей выздоровление должны мы сами, люди. И чтобы суметь сделать это, мы должны, прежде всего, излечиться сами»⁹.

Конечно, на Западе о кризисе начали писать еще в XIX веке. В связи с этим можно говорить о данном некогда А. Шопенгауэром и Ф. Ницше диагнозе состояния западной культуры. То, что произойдет в XX веке, а именно, угроза исчезновения культуры, прогнозировал уже Ф. Ницше. «Интерес к истине... – писал он – будет падать: иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву... ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружению в варварство; опять человечество должно бу-

дет сызнова начать ткать свою ткань... Но кто поручится, что оно всегда будет находить силы для этого»¹⁰.

В начале XX века прогноз Ф. Ницше был подхвачен Шпенглером и представлен в его знаменитой морфологии мировой истории, опубликованной в 1918 году под названием «Закат Европы». Аргументации охватившего Европу тотального кризиса, о чем свидетельствовала первая мировая война, способствовала проведенная Шпенглером параллель между историей западной культуры и историей античной культуры. Правда, впервые эту параллель позволил себе провести еще Ф. Ницше. Шпенглер продолжил рассуждать о созвучности заката греко-римского мира тому, что в начале XX века имело место на Западе. Он пишет: «Умирала и античность, но она ничего не знала об этом. Она верила в вечное бытие. Она доживала свои последние дни все с тем же несдержанным счастьем, смакуя каждый день сам по себе, как дар богов. Мы знаем нашу историю. Нам предстоит еще пережить последний духовный кризис, который охватывает весь европейско-американский мир. О его протекании рассказывает поздний эллинизм»¹¹.

Уже не грядущему, а реальному настоящему и распространяющемуся кризису культуры П. Сорокин посвятил специальную работу «Кризис нашего времени». Она вышла в 1941 году, т.е. в период, когда вторая мировая война уже развертывалась. Таким образом, в обсуждении проблематики тотального кризиса П. Сорокин не был первым. Но в обсуждение этой проблематики он внес то, чего у Шпенглера не было. Со Шпенглером П. Сорокина многое разъединяет, но многое и объединяет. Объединяет этих двух выдающихся ученых то, что для них культура становится предметом исследования, причем, предметом, позволяющим обнаружить все те многочисленные связи, которые существуют между разными сферами. Для П. Сорокина, как и для Шпенглера, история предстает историей культуры. История – это история возникновения, становления, достижения высшей точки развития, затем надлома и заката, угасания существующих в мире культур. Однако Шпенглер свое внимание сосредоточил исключительно на последних столетиях истории Западе, обнару-

⁸ Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009., с. 99.;

⁹ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010., с. 338;

¹⁰ Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философии. СПб., 2004., с. 378;

¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993., с. 624;

жив в них эпоху надвигающегося исчезновения этой некогда цветущей цивилизации. Его понимание исторического момента приобрело апокалиптический смысл. Кризис ценностей одной культурной системы он отождествлял не только с кризисом культуры Запада, но с закатом, т.е. смертью Запада. Уделяя внимание тому же моменту в истории Запада, на котором сосредоточил свое внимание Шпенглер, П. Сорокин усматривает в нем вовсе не закат и не смерть цивилизации. Кризис для П. Сорокина предстает, прежде всего, сменой культурных ориентаций в границах культуры, в данном случае, западной культуры. Однако, как и для Шпенглера, П. Сорокину тоже потребовались параллели со всеми имеющими место в истории кризисами. Но это уже совершенно иная логика. Угасание одного типа культуры совсем не означает, что какой-то народ исчезает с арены истории вообще. Если в начале XX века Шпенглера прочитывали под углом зрения смерти Запада, то П. Сорокин, подхватывая у Шпенглера идею кризиса Запада, очищал ее от апокалиптического смысла. Кризис Запада для него не означал его смерти. Под ним подразумевался кризис одного типа культуры, который должен быть преодолен приходящим на смену угасающему типу культуры другого типа культуры, который в истории некогда уже имел место и, возможно, не один раз. Как отсюда следовало, П. Сорокин открывал новую логику истории, а именно, циклическую логику.

Так, продолжая начатую Шпенглером циклическую парадигму, П. Сорокин, тем не менее, упрекал своего предшественника в том, что, несмотря на манифестируемый им применительно к истории принцип циклизма, что вытекает из повторения одной культурой (западной) логики развития другой культурой (античной), его концепция удивительно смахивает на линейный принцип в истории, поскольку в соответствии со Шпенглером каждая культура проходит все возрастные стадии – детство, юность, возмужалость и старость¹². Отвергая понимание кризиса как предсмертной агонии западного общества, что и доказывал Шпенглер, П. Сорокин писал: «Его (пессимистического диагноза состояния западного мира – Н. Х.) адепты, которых не так давно возглавил Освальд Шпенглер, уверяют нас в том, что любая культура смертна. Достигнув зрелости,

она начинает приходить в упадок. Концом этого упадка является неизбежное крушение культуры и общества, которому она принадлежит. Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвлечь от предначертанного, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры»¹³.

Однако несогласие П. Сорокина со Шпенглером по поводу вкладываемого в понятие кризиса смысла вовсе не исключает некоторого сходства в методологическом подходе. В связи с этим возникает необходимость сопоставить П. Сорокина не столько со Шпенглером, сколько с целым рядом других мыслителей, идеи которых можно объединить и представить единой парадигмой. В эту парадигму естественно входит и Шпенглер. Но в еще большей степени эта парадигма в XX веке была разработана А. Тойнби. Собственно, П. Сорокин эту процедуру сопоставления проделал сам, опубликовав в 1927 году в американском журнале «SocialForest» статью под названием «Циклические концепции социально-исторического процесса». Ее можно считать ранним наброском той методологии, что обратит на себя внимание в его фундаментальной монографии «Социальная и культурная динамика».

В этой опубликованной П. Сорокиным как социологом статье еще не ощущалось, что проявление интереса к циклической парадигме в истории является составляющей его фундаментальной методологии, выходящей за границы социологии. Статья написана пока лишь в форме обзора, и из нее нельзя заключить, что отныне П. Сорокин в своих последующих будет придерживаться работах именно этой парадигмы. Но случилось именно так. В конце 20-х годов П. Сорокин повернет в сторону от методологии, что возникает на основе представления об историческом времени как линейном процессе. Конечно, логику П. Сорокина можно было бы сопоставить с той логикой, что возникла и себя утвердила в эпоху раннего модерна, т.е. в эпоху появления классических форм философствования. Но не по своей сути, а по универсализму. В данном случае его логика сопоставима с тем видением

¹² Сорокин П. Социальная и культурная динамика., с. 105;

¹³ Сорокин П. Человек, Цивилизация. Общество. М., 1992., с. 428;

Теоретическая культурология и теория культуры

исторического процесса, которое известно по Гегелю. Как известно, в истории как истории становления Духа Гегель находил три основных ее фазы: символическую, классическую и романтическую. Смена этих фаз у Гегеля развертывалась в соответствии с линейным принципом и не предполагала возвращения к предшествующей фазе как и к исходной точке. По Гегелю, каждая из фаз, угасая, уступала место другой и более в истории не повторялась. Это два альтернативных варианта универсального видения истории. Однако у Гегеля эта логика линейна, у П. Сорокина она циклична. Кроме того, этих мыслителей разделяет и то, что идет от духа времени. Гегель как представитель эпохи модерна привлекал необычайным оптимизмом в выводах. Он выразил дух восходящего третьего сословия. Его время воспринималось им высшим пиком в историческом развитии человечества. П. Сорокин выражает дух более позднего и катастрофического времени, когда западная цивилизация все более начинает ощущать кризис.

П. Сорокин радикально переосмысливает линейную парадигму, а точнее, противопоставляет ей альтернативную парадигму, а именно, циклическую парадигму. Здесь-то как раз и произойдет переход мыслителя из одной науки, что возникла в XIX веке как реакция на необходимость выявить закономерности становящегося индустриального общества, т.е. социологии, к другой науке, предмет которой функционирует уже в иных ритмах и в иное время. Этой наукой и будет наука о культуре. Для П. Сорокина переход от линейной парадигмы к циклической явился одновременно и переходом к рассмотрению любого явления и процесса в истории с точки зрения уже не социолога, а культуролога. Находясь под воздействием просветительской философской традиции, социология не прибегала к циклической парадигме, хотя в истории эта парадигма предшествует линейной парадигме и является древнейшей системой представлений.

Вообще, социальные процессы социология рассматривает в кратких, а не в больших протяженностях исторического времени. С помощью таких протяженностей проследить циклическую логику какого-либо процесса как раз и невозможно. Социолог обычно избегает не только истории с ее циклическими ритмами, но и истории вообще. Ф. Бродель справедливо отмечал, что социология пренебрегает историческим объяснением, а социолог из-

бегает осмысления исторического времени¹⁴. Социолог предрасположен ставить акцент на моментальном срезе состояния общества, тем самым выключая его из исторической длительности. Для того, чтобы социологические исследования носили исторический характер, такие срезы социолог должен фиксировать систематически, т.е. проводить исследования в течение длительного времени и их сопоставлять. Однако такие исследования хотя и имеют место, но весьма редки. Что касается позиции П. Сорокина по этому вопросу, то, как свидетельствует Л. Козер, он «настойчиво повторял всю свою жизнь, что социология должна изучать исторические факты, и что историки и социологи должны выступать как союзники, а не как соперники в их стремлении разгадать тайны человеческих проблем, возникающих в ходе истории»¹⁵.

Дело, однако, и в разном понимании историчности, а также в ментальности. Например, европейское понимание историчности резко расходится с американским. Американское понимание связано с невниманием к историческому прошлому. Американский социолог ориентирован на факты в краткосрочном времени. Не поэтому ли в этом регионе так бурно развивалась особая разновидность социологии – конкретно-эмпирическая, оказавшая воздействие на социологические методы вообще? Но, может быть, несмотря на авторитет П. Сорокина в Америке, где он в 1931 году в Гарвардском университете организовал социологический факультет, разрабатываемая им парадигма, предусматривающая сопоставление разных исторических эпох, не во всем соответствовала ментальным установкам американцев, как и установкам социологической науки в ее американском варианте. Видимо, совсем не случайно американскую социологию П. Сорокин критиковал за ее квантификацию, т.е. гипертрофию количественных методов. Как пишет Л. Козер, вышедшая в 1956 году его работа «Причуды и недостатки современной социологии и связанных с ней наук» содержала обвинение практически всей современной социологии и большинства ее эмпирических и статистических исследований¹⁶. Этому удивляться не приходится. Утвержда-

¹⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977., с. 134;

¹⁵ Козер Л. О Питириме Сорокине // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009., с. 80;

¹⁶ Козер Л. Указ. Соч., с. 66;

емая П. Сорокиным циклическая парадигма социологам казалась чуждой. Социолог П. Сорокин социологию перерос.

Комментируя подобное расхождение в понимании историчности ученик П. Сорокина – Р. Мертон пишет: «Фактическое пренебрежение историческим материалом возникает не из-за отсутствия интереса или из-за непонимания важности долгосрочных следствий, но исключительно из-за убежденности в том, что исторические исследования требуют данных, которые невозможно получить»¹⁷. В такой установке проявляется также ориентация на методологию естественных наук, что свидетельствует о живучести позитивизма. Вот еще более точное высказывание Р. Мертона, касающееся несовпадения в понимании историзма. «Если европейский вариант предпочитает исследовать долгосрочные процессы с помощью исторических данных, причем некоторые из этих данных, относящиеся к групповым и массовым мнениям, могут быть оспорены, а выводы тем самым опровергнуты, – пишет Р. Мертон – то американский вариант предпочитает тщательно изучать краткосрочные ситуации, используя при этом данные, которые полностью соответствуют требованиям решения научной проблемы, и ограничиваясь непосредственными реакциями индивидов на конкретную ситуацию, вырванную из длительных временных интервалов истории»¹⁸.

Суждения Р. Мертона основаны не только на несходстве двух ментальностей – французской и американской, но и на несходстве в деятельности историка двух подходов. Все дело в том, что современный историк находится под воздействием функционирования тех структур, что функционируют в политической истории или в истории политической системы. Но политические структуры – это не столько структуры, сколько, по мнению Ф. Броделя, развертывающиеся в кратких длительностях истории события. Пресса и вообще средства массовой коммуникации, столь сильно воздействующие не только на массовое, но и научное сознание, приучили к восприятию истории, развертывающейся в форме событий. Что касается альтернативного подхода, т.е. развертывания истории в больших длительностях, то этот подход современными социологами практически не

используется, что не удивительно. Ведь время больших длительностей – это время тех структур, которыми являются культура и цивилизация. Однако не только социологи, но даже и истории предметом своего исследования по-прежнему делают не культуру и цивилизацию, а общество и государство.

Пытаясь реабилитировать циклическую парадигму, в числе своих предшественников П. Сорокин называет не только Шпенглера, концепцию исторического процесса которого он оценивает как радикальный поворот в социальной мысли, но, в том числе, Макиавелли, Кампанеллу и Джамбатиста Вико. Более того, для него исходной точкой является Экклезиаст. Ведь именно у Экклезиаста большое значение придается повторению. Так, П. Сорокин находит у Экклезиаста следующую мысль: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое, но это было уже в веках, бывших прежде нас»¹⁹.

Обращая внимание на распространенность этой древней циклической парадигмы, он говорит и об астрологии, и о кабалистических верованиях. Признаки ее он находит в древней мысли Индии, но, в том числе, и на Востоке, примером чего может служить конфуцианство. Разумеется, он находит ее и у древнегреческих мыслителей, в том числе, у философов (например, у Платона) и историков (например, у Полибия). Кстати, циклическая логика одновременно улавливается как у историков античности, так и у историков Востока. Это сопоставление, кстати, было проделано Н. Конрадом²⁰. Однако список предшественников можно было бы продолжать, обращаясь к наследию отечественных мыслителей. Совершенно очевидно, что новое открытие циклической парадигмы произошло в России. Так, в числе своих предшественников сам П. Сорокин называет Н. Данилевского хотя бы уже потому, что концепция Шпенглера, близость которого П. Сорокину нами уже отмечалась, возникла под влиянием именно этого русского ученого, в чем признавался и сам Шпенглер.

Затрагивая вопрос о предшественниках П. Сорокина в российской науке, Л. Козер

¹⁷ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006., с. 634;

¹⁸ Мертон Р. Указ. Соч.. с. 635;

¹⁹ Сорокин П. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998., № 11., с. 4;

²⁰ Конрад Н. Полибий и СымаЦянь // Конрад Н. Запад и Восток. М., 1972., с. 47;

Теоретическая культурология и теория культуры

пишет не только о влиянии на него отечественных социологов, в частности, М. Ковалевского и Л. Петражицкого²¹. Сам П. Сорокин признавал, что сочинение Н. Данилевского «Россия и Европа» явилось выдающимся трудом по философии истории и социологии культуры. П. Сорокин не мог не разделять неприятие Н. Данилевским линейной логики в историческом времени, а также отрицание Н. Данилевским той точки зрения, что германо-романская цивилизация тождественна всеобщей человеческой цивилизации.

Но можно также фиксировать созвучность некоторых идей П. Сорокина представлениям об историческом процессе других русских философов XX века, в частности, Н. Бердяева и П. Флоренского. Так, сам П. Сорокин справедливо констатировал, что Н. Бердяев отрицает формы линейной интерпретации исторического процесса и линейные теории прогресса. Он обращает внимание на то, что весьма ценные идеи этого плана у Н. Бердяева остались незамеченными. Более того, П. Сорокин положительно оценивает идеи этого рода Н. Бердяева и солидаризируется с ними²². Можно также фиксировать созвучность некоторых идей П. Сорокина с суждениями П. Флоренского о смене в истории разных культурных ценностей²³. Так, П. Флоренский доказывал, что в истории культуры постоянно чередуются две культуры, когда одна культура утрачивает творческий дух и происходит возвращение к исходной точке, т.е. к той культуре, которая, казалось бы, уже ушла в прошлое. В соответствии с П. Флоренским, одна из этих культур представлена средневековой, другая – ренессансной культурой. В подготовленном философом для русского библиографического института «Гранат» «Автопортрете» он писал о своей концепции истории культуры так: «Руководящая тема культурно – исторических воззрений Флоренского – отрицание культуры как единого во времени и в пространстве процесса с вытекающими отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то П. Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры средневековой и культуры возрожденческой. Первый тип характеризуется органичностью,

объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй – раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. Ренессансная культура Европы, по убеждению П. Флоренского, заключала свое существование к началу XX века, и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа»²⁴.

Симпатии П. Флоренского оказывались на стороне восходящей, т.е., как получается, средневековой культуры, о чем свидетельствует его работа, в которой он дает позитивную для нового искусства интерпретацию обратной перспективы. Поскольку на рубеже XIX-XX веков культура ренессансного типа оказывается в кризисе, то сменяющая ее культура обращает на себя внимание сходством с средневековой. Именно возврат к Средневековью в начале XX века и имеет в виду П. Флоренский. Так, в читаемом им с 1908 по 1918 год курсе лекций «Первые шаги философии» П. Флоренский формулирует: «Мы пережили век утонченности, а затем – и переутонченности; теперь же начинаются искания архаизма и отвращение от рациональности. Самый порочный из оплотов рационализма – научное мировоззрение – подает на наших глазах под прибоем растущего прилива. Близко новое Средневековье; и народные массы с Востока, кажется, уже идут исполнять, устремившись на западную Европу с Севера, – идут исполнять обычное историческое назначение – рушить»²⁵.

Как можно убедиться, знакомясь с суждениями Н. Бердяева и П. Флоренского, идея циклизма витала в воздухе, и отечественная гуманитарная мысль успела проявить к ней интерес. Поэтому можно утверждать, что в проекте социальной и культурной динамики П. Сорокина улавливаются следы начавшегося осознания развертывающихся исторических процессов в специфическом историческом времени. Он улавливает эти настроения, пытаясь осмыслить их в соответствии с тем типом ментальности, что для русской культуры характерен.

Пройдет не так уже и много времени, отделяющего создание его фундаментальной монографии о социальной и культурной динамике в 4-х томах (1937-1941 гг.) от публикации

²¹ Козер Л. Указ. Соч., с. 74;

²² Сорокин П. Социологические теории современности. М., 1992., с. 170;

²³ Хренов Н. Избранные работы по культурологии. Культура и империя. М., 2014., с. 137;

²⁴ Флоренский П. Сочинения. В 4-х т., т. 1., М., Мысль., 1994., с. 38;

²⁵ Флоренский П. Сочинения. В 4-х т., т. 2., М., 1995., с. 74;

его статьи 1927 года «Циклические концепции социально-исторического процесса», как мы обнаружим, что прием, ставший предметом его ранней статьи, предстает уже определяющим его последующие сочинения методологическим подходом. Позднее, уже после окончания работы над своим главным фундаментальным сочинением П. Сорокин вернется к своим предшественникам, подтолкнувшим его к циклическому подходу. Но на этот раз его изложение будет уже не столь обзорным и приблизительным, как это имело место в его ранней статье «Циклические концепции социально-исторического процесса». Речь уже пойдет не о предшественниках, а о сдвиге в научных парадигмах. В статье 1945 года «Социальная динамика и эволюционизм» он проведет границу между обожествленным в XIX веке принципом линейности или, как он выражается, «линейным наваждением» XIX века и принципом нелинейности, к которому наука XX века проявляет все больший интерес. Как доказывается в этой работе, линейный тип изменения, который утверждался в XIX веке как в естественных, так и в социальных и гуманитарных науках, является лишь одним из многих²⁶. По мнению П. Сорокина, социальная наука XX века преодолевает «линейное наваждение», проявляя интерес к устойчивым и повторяющимся аспектам социокультурных изменений, к постоянно повторяющимся ритмам, флуктуациям, циклам и периодичностям в ходе социокультурного процесса.

Не отрицая уникальности исторических процессов, П. Сорокин, однако, утверждает, что в истории существует немало повторений («Ни об одном уникальном историческом событии нельзя рассказать, не предположив, явно или неявно, что многие его существенные черты повторяемы»²⁷). Доказывая реальность циклической парадигмы, он различает абсолютно циклический тип и относительно циклический типы исторического процесса. В абсолютно циклическом процессе последующая фаза имеющего место повторения может возвращаться к своей первой фазе. В этом случае цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого. В относительно циклическом процессе траектория следующего цикла может не совпадать полностью с траекториями предыдущих циклов²⁸.

Конечно, в многотомном исследовании о социальной и культурной динамике в поле внимания ученого попадает не только наука, этика, право. В поле его внимания оказываются религия, социум, политика и эстетика, но, в том числе, и искусство. В общем, все то, что, собственно, и составляет культуру. Поэтому во второй части статьи остановимся на том, что дает фундаментальная концепция социодинамики П. Сорокина для понимания логики истории эстетической смуты, что явилась следствием переходности эпохи, но, самое главное, для понимания логики изменений в искусстве на протяжении столетий.

Библиография:

1. Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наши дней. М., 1995;
2. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002;
3. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989;
4. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977;
5. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996;
6. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т., т. 7. М., 1975;
7. Виппер Б. Искусство Древней Греции. М., 1972;
8. Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001;
9. Завадская Е. Культура Востока в современном мире. М., 1977;
10. Зедльмайр Х. Утрата середины. М., 2008;
11. Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные исследования культуры в переходных процессах. М., 2002 (Ответственный редактор Н. А. Хренов);
12. Кессиди Ф. От мифа к логосу. М., 1972;
13. Козер Л. О Питириме Сорокине // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009;

²⁶ Сорокин П. Социальная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994., с. 365;

²⁷ Сорокин П. Социальная и культурная динамика., с. 85;

²⁸ Сорокин П. Указ. Соч., с. 90;

Теоретическая культурология и теория культуры

14. Конрад Н. Полибий и Сыма Цянь // Конрад Н. Запад и Восток. М., 1972;
15. Леонтьев К. Византизм и славянство // Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. т. 1., М., 1885;
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006;
17. Муратов П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования. М., 2005;
18. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х т., т. 1. М., 1990;
19. Осипов Г. Три встречи с П. Сорокиным // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009;
20. Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время. М., 2003 (Ответственный редактор Н. А. Хренов);
21. Паломничество Германа Гессе в страну Востока // Восток-Запад. Исследования. Переводы. публикации., М., 1882;
22. Пановский Э. Idea. К истории понятия в теории искусства от античности до классицизма. СПб., 1999;
23. Сорокин П. Система социологии. В 2-х т., М., 1993;
24. Сорокин П. Социологические теории современности. М., 1992;
25. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000;
26. Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009;
27. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992;
28. Сорокин П. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998., № 11;
29. Сорокин П. Социальная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994;
30. Флоренский П. Сочинения. В 4-х т., т. 1. М., 1994;
31. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010;
32. Хренов Н. Избранные работы по культурологии. Культура и империя. М., 2014;
33. Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве (Ответственный редактор Н. А. Хренов), М., 2004;
34. Шеллинг Ф. Введение в философию мифологии. В 2-х т., СПб., 2013;
35. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993;
36. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997;
37. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004
38. А. В. Макеенкова Феномены «классического» и «современного» в истории изобразительного искусства // Культура и искусство. – 2013. – 2. – С. 215 – 227. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.02.10.

References (transliterated):

1. Bazen Zh. istoriya istorii iskusstva. Ot Vazari do nashi dnei. M., 1995;
2. Bel'ting Kh. Obraz i kul't. Istoriya obraza do epokhi iskusstva. M., 2002;
3. Berdyayev N. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M., 1989;
4. Brodel' F. Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' // Filosofiya i metodologiya istorii. M., 1977;
5. Burkkhardt Ya. Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniya. M., 1996;
6. Bryusov V. Sobranie sochinenii v 7 t., t. 7. , M., 1975;
7. Vipper B. Iskusstvo Drevnei Gretsii. M., 1972;
8. Dvorzhak M. Istoriya iskusstva kak istoriya dukha. SPb., 2001;
9. Zavadskaya E. Kul'tura Vostoka v sovremennom mire. M., 1977;
10. Zedl'mair Kh. Utrata serediny. M., 2008;
11. Kessidi F. Ot mifa k logosu. M., 1972;
12. Kozer L. O Pitirime Sorokine // Sorokin P. Krizis nashego vremeni. M., 2009;
13. Konrad N. Polibii i Syma Tsyann' // Konrad N. Zapad i Vostok. M., 1972;
14. Leont'ev K. Vizantizm i slavyanstvo // Leont'ev K. Vostok, Rossiya i slavyanstvo. t. 1., M., 1885;
15. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M., 2006;
16. Muratov P. Drevnerusskaya zhivopis'. Istoriya otkrytiya i issledovaniya. M., 2005;
17. Nitsche F. Sochineniya. V 2-kh t., t. 1. M., 1990;
18. Osipov G. Tri vstrechi s P. Sorokinym // Sorokin P. Krizis nashego vremeni. M., 2009;
19. Panofskii E. Idea. K istorii ponyatiya v teoriya iskusstva ot antichnosti do klassitsizma. SPb., 1999;
20. Sorokin P. Sistema sotsiologii. V 2-kh t., M., 1993;

21. Sorokin P. Sotsiologicheskie teorii sovremennosti. M., 1992;
22. Sorokin P. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii. SPb., 2000;
23. Sorokin P. Krizis nashogo vremeni. M., 2009;
24. Sorokin P. Chelovek. Tsivildizatsiya. Obshchestvo. M., 1992;
25. Sorokin P. Obzor tsiklicheskikh kontseptsii sotsial'no-istoricheskogo protsessa // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1998., № 11;
26. Sorokin P. Sotsial'naya dinamika i evolyutsionizm // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. M., 1994;
27. Florenskii P. Sochineniya. V 4-kh t., t. 1. M., 1994;
28. Kheizinga I. Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyi mir. SPb., 2010;
29. Khrenov N. Izbrannye raboty po kul'turologii. Kul'tura i imperiya. M., 2014;
30. Shelling F. Vvedenie v filosofiyu mifologii. V 2-kh t., SPb., 2013;
31. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. M., 1993;
32. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka. M., 1997;
33. Yaspers K. Nitshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya. SPb., 2004
34. A. V. Makeenkova Fenomeny «klassicheskogo» i «sovremennogo» v istorii izobrazitel'nogo iskusstva // Kul'tura i iskusstvo. – 2013. – 2. – С. 215 – 227. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.02.10.